

**ИЛЪЯ
КАЗАКОВ**

**ИЛЛЯ
КАЗАКОВ**

**ДЕВУШКА
ЗА
СПИНОЙ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К14

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Оформление переплета — *Александр Шпаков*

Казаков, Илья Аркадьевич.

К14 Девушка за спиной : [рассказы] / Илья Казаков. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Легенда
русского Интернета).

ISBN 978-5-17-982999-7

Тонкие и захватывающие психологические рассказы Ильи Казакова покорили Рунет. Мужская аудитория считает его своим автором, женская — своим. Казаков идет по жизни с широко раскрытыми глазами и с интересом слушает своих читателей, а они — его. Пронзительно честные, душевные, жизненные, предельно искренние новеллы автора о сложных взаимоотношениях между мужчинами и женщинами отражают всю суть нашего беспокойного времени. Это стиль Довлатова и юмор Зощенко.

Илья Казаков более двух десятков лет работает на телевидении в качестве популярного комментатора и ведущего спортивных программ, работал пресс-атташе сборной России по футболу, написал несколько книг о футболе. Теперь с присущим ему талантом и остроумием он вторгается на новую территорию — современной романтической прозы. И делает это блестяще.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982999-7

© И. А. Казаков, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Старое платье

Я лежал на кровати и смотрел на ее отражение в зеркале.

Мне нравилось разглядывать ее именно так. Шкаф был куплен пару недель назад, ещё пах лаком и в нем не успели поселиться скелеты, а зеркало отражало только ее и иногда меня.

Когда говорят, что все женщины — собственницы, я не соглашаюсь. Мужчины собственники не в пример больше. Женщине достаточно, когда ты просто с ней. Все твои «прошлые» — знамя ее победы. Она выиграла финал и может торжествовать. Не забывая, правда, на всякий случай оглядываться.

Нам же воспоминания о «прошлых» малоприятны. И если мы слышим: «Как долго я тебя ждала», то раздражаемся, что ждала не одна.

Она видела, что я ее рассматриваю. И нарочно крутила бёдрами.

Очень красивыми бёдрами, надо сказать.

— Очень, — искренне сказал я, услышав вопрос, идёт ли ей это бельё.

Ей всё шло. Она могла завернуться в полотенце после душа и всё равно выглядела как Одри Хепбёрн.

Вот уже три недели как я сходил с ума.

— Милый, ты же сердишься на меня, что мы сегодня туда идём? — спросила она.

Я пожал плечами. Настолько, насколько это можно было сделать, лёжа на спине.

— Ты же понимаешь, что нас больше ничего не связывает. У меня есть только ты.

Я не знал, зачем она снова начала этот неприятный мне разговор.

Я его никогда не видел, не хотел ничего слышать о нем.

Его просто не было. Ее бывшего.

Не было.

— Я же не виновата, что его тоже позвали. Они ведь друзья.

Подошла ко мне — уже в колготках и блузке. У неё всегда были удивительно сладкие губы.

— Мой ревнивый дурачок.

Я не спорил. Даже не пытался.

Особняк казался гигантским. И выглядел так, словно ему было лет двести, хотя точно был построен недавно.

С ней здоровались. Со мной нет.

Она это видела и постоянно пробовала меня поддержать. Прижималась теснее. Держала за талию. Я это ценил — и одновременно раздражался. И всё не мог угадать — кто он?

С этим седым, но еще молодым она поздоровалась сухо, но он задержал свои губы у ее щеки дольше, чем было нужно.

С этим худощим лысым она была приветлива и даже покраснела.

Я не знал, зачем я здесь. Не знал, почему я был слишком деликатным с ней. Не мог сказать, что меня раздражает.

Тридцать лет — странный возраст. Хотя, вероятно, дело было вовсе не в количестве прожитых лет.

А во мне.

Или, скорее — в ней.

На первом же свидании она сказала, что против серьезных отношений. Я спросил: почему? Она не ответила.

Я спросил еще раз. Тогда она сказала, что слишком сильно любила своего бывшего мужчину. Что он сделал ей очень больно и она не хочет, чтобы это повторилось когда-нибудь с кем-нибудь еще.

Я сказал, что моя мама мечтала о сыне-враче. Что я так и не стал врачом. Но могу попробовать вылечить ее.

Ей стало смешно. И она никуда не ушла.

Ни в тот вечер, ни в последующий.

Я был нежен с ней, даже когда меня что-то раздражало. Ежедневно нежен. Настолько, что даже когда я слушал в машине по пути на работу шансон, мне по-прежнему мерещилось, что это играет «Радио Jazz».

Я сразу понял, что это он. Когда увидел, как он на нее смотрит. А она на него. Можно было даже не спрашивать.

Рядом с ним была девушка. Тоже стройная, тоже рыжеволосая. И даже смеялась приблизительно так же.

Она увидела, что я смотрю на него и сразу же прислонилась ко мне. Сзади, сплетя руки у меня на груди.

— Ничего не хочешь сказать? — спросил я.

Она покачала головой.

— О'кей.

Настроение у меня окончательно испортилось. Я посмотрел на часы. Мы были здесь уже больше часа. Три бокала шампанского, ощущение собственной ненужности и впустую потраченного времени.

Я оставил ее и подошел к стойке бара. Бармен вопросительно посмотрел на меня.

— Виски, — сказал я и удивился, как хрипло звучит мой голос. Поставил пустой стаканчик на черное стекло и попросил повторить.

Она осталась стоять там, где я ее оставил. Не сводила с него глаз. Даже не заметила меня. Я взял ее за руку. Вероятно, слишком сильно, потому что она вскрикнула. Посмотрела на меня удивленно.

— Поехали, — сказал я.

Мне было всё равно, поедет она со мной или нет. Завтра бы я сожалел, а сегодня нет. Но она послушно пошла. Чуть не успевая за мной, но я не выпускал ее руки. Практически тащил.

В такси я поцеловал ее. Потом сжал ее волосы, намотав их себе на кулак. Наверное, ей было больно. Но я старался, чтобы не очень.

Платье треснуло так громко, что я сначала даже не поверил, что шелк может так звучать.

Она смотрела на меня, а я на нее. И уже не видел в ее глазах его, только себя.

— Это мое любимое платье, — сказала она.

Без вызова или обиды. Просто свидетельствуя то, что я сейчас сделал.

— Я всё видел, — сказал я и толкнул ее на кровать.

Снял с себя одежду. Затем сдернул с нее колготки и так же легко, как платье, разорвал на ней белье.

— Нет! — сказала она. — Нет!

Но я не послушался и взял ее так жестко, что удивил сам себя.

Она дышала мне в шею, не переставая гладить. Рука сползала от груди к животу и затем возвращалась обратно.

— Можно задать тебе один вопрос?

Я кивнул. Я знал, что теперь она точно моя, и не боялся никаких вопросов.

Вообще ничего не боялся.

— Ты сказал, что всё видел? Что видел?

— Куда и как ты смотрела.

Она вздохнула.

— Мне совсем его не жалко. Наверное, ты был прав.

Я ее не понял. Не понял второй фразы.

— Давно надо было с ним расстаться. Но я не могла. Я его очень любила. . . Привыкла за столько лет. — Она засмеялась. — Так здорово было чувствовать его на себе. Была какая-то удивительная приятность.

Мне реально было уже всё равно. Я словно что-то порвал вместе с платьем. Какие-то страхи или комплексы.

— Когда я увидела его на той девушке, я просто не поверила.

Я совсем перестал ее понимать. Просто слушал.

— Я его купила в крошечном городке рядом с Римом. Давным-давно, с первой зарплаты. Такой маленький магазин, магазин-ателье. Меньше этой спальни. И была уверена, что таких больше нет. Мне так сказали тогда — оно одно на целом свете.

— Ты о чем? — спросил я, догадываясь.

Она хлопнула меня по плечу.

— О платье! На той девушке, на которую я смотрела весь вечер, было точно такое же, но новое. Ты же тоже заметил, я видела, как ты глаз с нее не спускал.

— Да. . . — сказал я. Потому что просто надо было что-то сказать. И потом не выдержал. Спросил: — А он?..

— Он? — переспросила она и вдруг поняла.

Снова провела по мне ноготками, это было удивительно приятно.

— А он не пришел, наверное. Я его не видела.
Я лежал и думал: сказать ей «выходи за меня» или нет?
Она засмеялась.

— Знаешь, я так хотела, чтобы меня мой любимый человек однажды взял именно так. Разорвав на мне одежду. Силой, но без грубости... — Прижалась ко мне. — Мне хорошо с тобой.

Думать дальше не было никакого смысла.
И я сказал.

Амнезия

— Что со мной? — спросил Ираклий, и по его взгляду было понятно, что он сомневается даже в нас — настоящие ли мы? — не говоря уже о недавнем прошлом. На лбу у него пухла шишка, формой и цветом напоминая переспелое яблоко, чудом провисевшее нетронутым на ветке до октября.

— Ты как товарищ Бендер, — виновато сказал Андрей. — Попал под лошадь своим породистым грузинским лицом.

— Под какую лошадь?

Выпивать на детской площадке, конечно, не стоило. Но их в Москве стало столько, что ранним вечером в пятницу так легко было найти пустующую. С качелями, каруселями и домиками-теремками. В принципе, мы выпили не на ней, а до нее. Чтобы не переходить границы. И только потом вступили на резиновые плиты, по которым так весело было бегать. Пожалуй, только ранней весной бывает ощущение той детской легкости — когда хочется раскинуть руки как крылья и полететь над землей. Вот и мы бегали, качались на качелях, пытаясь сделать «солнышко». Но избегали карусе-

лей, чтобы не травмировать раньше времени вестибулярный аппарат.

Ираклий бежал быстрее всех. И совершенно напрасно опускал при этом голову. Андрей увидел его слишком поздно, чтобы попытаться затормозить на красивых качелях в форме кареты. Это было как в замедленной съемке. Сначала наш грузинский друг полетел, потом упал. Мы бежали к нему изо всех сил и — стыдно признаться — не сразу сумели справиться с хохотом.

— Тебе надо домой, — сказал я. — Ледяной компресс — и полежать. Лучше — прямо до завтра.

Ираклий смотрел сквозь меня. От этого было не по себе.

— Какое сегодня число? — спросил Андрей.

— Двадцать первое.

— А месяц?

— Четвертый.

Мы переглянулись. Чтобы пожать плечами.

— Вроде нормальный, — сказал я.

Мы довели его до такси, которое стояло неподалеку.

— Давай мы с тобой поедem. Мало ли. . .

Он отказался и умчался от нас. Я смотрел вслед машине, а когда перевел взгляд, увидел на другой стороне улицы электронное табло на доме. На котором горели три цифры — «21» и «4». И как-то мне это не понравилось. Настолько, что я потянул Андрея за руку и показал в ту сторону. Он посмотрел на табло, потом на меня. Взгляд его был напряженным, как мои мысли.

Дверь в подъезд открылась сразу, пальцы сами вызвонили на клавиатуре домофона знакомый код. А ключ от квартиры никак не хотел поворачиваться в скважине, застрял в ней напрочь.

Ираклий его крутил, вертел. Толкал дверь, пытался чуть приподнять ее, полагая, что ее перекосило и поэтому ключ не хочет открывать замок.

И тут дверь распахнулась. Женщина смотрела на Ираклия так, словно удивлялась, вопрос только — чему именно?

— Извини, Лена, — сказал он жене и шагнул в прихожую. — Меня лошадь сбила. Наверное, поэтому всё не так.

Снял ботинки, прямо в куртке прошел в гостиную и рухнул на диван, желая, чтобы никто его не трогал. Чтобы дали выспаться. Лена повернулась к полуголому мужчине, выглядывавшему из спальни, и приложила палец к губам. Но прежде прозвучало мужское:

— Это кто?

С очень угрожающими интонациями. Ираклий встал с дивана и сжал кулаки. И тот, голый, тоже приготовился к драке.

Его телефон не отвечал.

— Как думаешь, — спросил я, — он в порядке?

Андрей пожал плечами, и только.

— Такси не найдешь. Если бы он по телефону его заказал, а то просто сел в первое попавшееся и вперед.

— Звони, — сказал он, подумав.

И я звонил. Снова и снова. Пока мне не ответили.

— Хрен моржовый! — заорали мы в трубку. — Ты цел?

— Кто это? — ответили нам. Женским голосом.

— Где Ираклий? Что с ним?

— Можете его забрать по адресу... — сказал голос.

И назвал совершенно незнакомую улицу.

Такси приехало почти сразу. Я смотрел в окошко на радостных москвичей и думал: почему его занесло именно туда?

Водитель домчал с ветерком. Домофон тоже открыли сразу.

— Здравствуйте, — произнес я, когда дверь распахнулась, и.. вытаращил глаза. На его бывшую.

Я впервые переступил порог ее квартиры. Она нас недолюбливала. Или не любила. Считала, что мы плохо на него влияем, как разведенные. Возможно, была права.

После того как Ираклий женился и переехал к ней в центр, мы ни разу не собирались у него дома. Рестораны, дома отдыха, бани, но только не квартира..

Он лежал на спине, широко раскинув руки и закрыв глаза. И выглядел совершенно счастливым. Несмотря на свежий синяк под глазом и гематому во весь лоб.

— Наверное, надо вызвать полицию, — нерешительно сказал Андрей. — Вдруг он умрет.

Ее новый муж схватил его за руку и сказал:

— Не надо.

— С ним все в порядке. Он резко встал и поэтому упал. Закружилась голова. — Ленин голос почти не дрожал.

Можно было бы поверить, если бы не синяк под глазом. Можно упасть и удариться, но только не этим местом — если рядом нет мебели с острыми углами.

Ираклия определенно били.

Мускулатура у мужика была достойная.

Будь он похилее, можно было бы с ним подраться. А так — разве что вдвоем на одного.

Пока я вяло размышлял об этом, Ираклий открыл глаза. Мы поняли это не сразу, только после того, как он спросил:

— Что мы тут делаем?

Ответить на это было сложно.

— Кратковременная амнезия, — сказал я. — Возникает от сильного удара и, вероятно, исчезает от того же самого.

— Лечи подобное подобным, — добавил Андрей. — Еще древние говорили.

На детскую площадку мы не пошли. Хотя она была совсем рядом и тоже совершенно пустая. В кафе было как-то надежнее.

— Что удивительно, — начал Ираклий, — я ведь совершенно забыл, что мы в разводе. Приперся туда.

— Ты как Доцент, — хмыкнул Андрей. — До сих помню, а дальше не помню.

Я подумал и предположил:

— У тебя, наверное, чувство вины осталось подсознательно. Когда выпивал с нами раньше, было некомфортно — в предчувствии люлей дома. Вот и сработало: чувствовал себя плохо, выпили, мы рядом. Всё совпало, ты и рванул в прежнюю жизнь.

— Согласен, — сказал Ираклий. — Я как развелся, сколько бы мы ни выпивали — никогда плохо не было.

— Чего ты в драку полез? С новым мужем.

— А как? — не понял он. — Он же голый, в моей спальне. Если бы мне всё равно было, тогда бы не полез.

— В смысле: «всё равно»? — не поняли мы.

Ираклий потупился.

— Я когда на диван лег, мне хорошо стало. Пахло так... знакомо. Диван, дом, и она молчала, не ругалась, как обычно. И вдруг этот. Голый.

— Ясно, — сказал я, пытаюсь представить себя на его месте.

— Я, может быть, всегда этого хотел, — сказал он.

И мы снова не поняли, о чем он.

— Чтобы она виноватой передо мной была, чтобы не только я. Накричать на нее, чтобы она правоту мою почувствовала.

— Накричал? — спросил Андрей.

Ираклий потер синяк. Поморщился.

— Ладно, — сказал я. — Ты ушел и ушел, а ему мучиться.

— Почему? — быстро спросил Ираклий.

— Не потому, что ты пришел, — пояснил Андрей. — И не потому, что она тебе дверь открыла.

— Ты на его диван лег. Как хозяин. А она не прогнала, даже слова не сказала.

Он смотрел на нас и сомневался.

— Думаете, поэтому он меня и ударил?

— Конечно, — сказал я. — Какие сомнения?

— Диван, брат, это не хрен собачий, — кивнул Андрей и поднял стакан с виски, салютуя героя. — Диван — это главное место для мужика в квартире.

Мы чокнулись, выпили и вдруг он спросил. Словно не у нас, а себя:

— Может, она меня все еще любит?

Мы вздрогнули.

— У тебя же амнезия была, а не слабоумие, — сказал Андрей. — Она не любит. Просто ей как бальзам на душу, что мужья из-за нее у нее же на глазах подрались.

— Так он победил, — грустно сказал Ираклий.

— Ни хрена ты в бабах не понимаешь, — сказал я.

Он неожиданно обиделся.

— Можно подумать, ты понимаешь.

— Тоже не понимает, — вмешался Андрей. — Их вообще понять невозможно.

Ираклий смотрел на нас и о чем-то думал. Разве что не гудел от напряжения.